ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

DOI 10.24412/2076-8176-2023-1-129-148

Воспоминания С.Ю. Липшица о Николае Ивановиче Вавилове и гербарии Московского государственного университета

В.Р. Филин, А.Д. Кожевникова

Биологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; aromabotanik@gmail.com

Впервые опубликуются воспоминания С.Ю. Липшица о Н.И. Вавилове, написанные в конце 60-х гг. XX в. на основании материалов личных встреч. Автор рассказывает о посещении Н.И. Вавиловым экспедиции С.Ю. Липшица в западную часть хребта Каратау, где тот изучал каучуконосные растения (тау-сагыз). Описаны обстоятельства знакомства С.Ю. Липшица с Н.И. Вавиловым, их личные встречи и посещения Н. И. Гербария МГУ. Впервые публикуется «Выписка из исторических материалов Гербария...», написанная С.Ю. Липшицем в 1935 г. в шутливой форме и до сих пор не издававшаяся.

Ключевые слова: Н.И. Вавилов, С.Ю. Липшиц, Д.П. Сырейщиков, М.Г. Попов, Т.Д. Лысенко, тау-сагыз, хребет Каратау.

Немного об авторе воспоминаний

Предлагаемые читателю воспоминания Сергея Юльевича Липшица (30 октября 1905 — 15 января 1983) хранились у профессора кафедры геоботаники Биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, члена-корреспондента РАН Вадима Николаевича Павлова (15 декабря 1929 — 14 ноября 2020)[1]. Они были переданы В.Р. Филину его дочерью, Ириной Вадимовной Павловой.

Воспоминания о Н.И. Вавилове составляют лишь небольшую часть воспоминаний С.Ю. Липшица. Нумерация объединенных скрепкой страниц этой части не продолжает нумерации предыдущих страниц воспоминаний, которые заканчиваются

[1] См. о нем: Баландин, Уланова, Онипченко, 2019.

© Филин В.Р., Кожевникова А.Д., 2023

советами Сергея Юльевича по улучшению работы Ботанического института (БИН) АН СССР. Очевидно, что автор рассматривал воспоминания о Н.И. Вавилове как отдельную, самостоятельную главу, которую он, возможно, написал после того, как закончил воспоминания о БИНе. Очевидно, что автор рассматривал воспоминания о Н.И. Вавилове как отдельную самостоятельную главу, которую он, возможно, написал после того, как закончил воспоминания о БИНе, предположитнльно в конце 60-х гг. XX в. Среди страниц рукописи лежала фотография, где запечатлены участники экспедиции, о которой далее идет речь.

Вместе с рукописью находился и машинописный экземпляр, в который были внесены ручкой пометки, сделанные, судя по почерку, В.Н. Павловым. Возможно, он собирался опубликовать воспоминания С.Ю. Липшица, но по каким-то причинам не сделал этого.

Воспоминания знакомят читателя с условиями жизни 20–30-х гг. и передают атмосферу, которая окружала Н.И. Вавилова до и после захвата Лысенко власти в биологии[2]. Не лишним будет отметить также, что оценка личности Н.И. Вавилова дана человеком, которого президент АН СССР В.Л. Комаров еще в 1945 г. назвал образованнейшим ботаником, а поздравлявшие С.Ю. Липшица с его 60-летием отмечали, что он — «выдающийся исследователь-систематик, крупнейший знаток истории отечественной ботаники, видный библиограф ботанической литературы» (Лебедев, Кирпичников, 1965, с. 14–69). Систематикам С.Ю. Липшиц известен как автор обработки представителей разных семейств цветковых растений, но особое место среди них занимают сложноцветные. Начало изучению этого семейства положили экспедиции в Среднюю Азию. В 1930 г. в стране началась великая каучуконосная эпопея. Стране необходимо было сырье для получения резины. С 1930 по 1935 г. Сергей Юрьевич работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте каучука и гуттаперчи.

В 1930 г. он был назначен начальником экспедиции с целью изучения каучуконоса тау-сагыза и создания опытной станции в западной части хребта Каратау для введения этого каучуконоса в культуру. Не исключено, что к этому назначению «приложил руку» Н.И. Вавилов, который был членом Правительственной комиссии по поиску каучуконосов во флоре СССР. Еще посещая Гербарий МГУ в начале 30-х гг., Н.И. Вавилов мог составить представление о широте познаний и работоспособности Липшица, который в 1929 г. опубликовал результаты своих ботанико-географических наблюдений растительности Южного Урала, и, безусловно, Вавилов не мог не знать о работах С.Ю. Липшица в Туркестане, результаты которых были опубликованы в 1930–1932 гг.[3]

В воспоминаниях есть материалы, касающиеся посещения Вавиловым базы экспедиции в 1931 г. С.Е. Резник (2017) не сообщает ничего об этой поездке Вавилова и в именном указателе не приводит фамилий С.Ю. Липшица и В.Н. Макагона. В письмах Н.И. Вавилова (Вавилов, 1987) к В.Н. Макагону также нет упоминаний об этой поездке.

Как историк науки, С.Ю. Липшиц известен широкому кругу российских ботаников в качестве автора 5-томного биографо-библиографического словаря «Русские ботаники». Этот словарь принес автору и мировую известность. Но уже при подго-

[2] О зарождении, расцвете и закате лысенковщины см.: Любищев, 2004; Шноль, 2010; Резник, 2017.

[3] Эти работы перечислены в статье Лебедева и Кирпичникова, 1965.

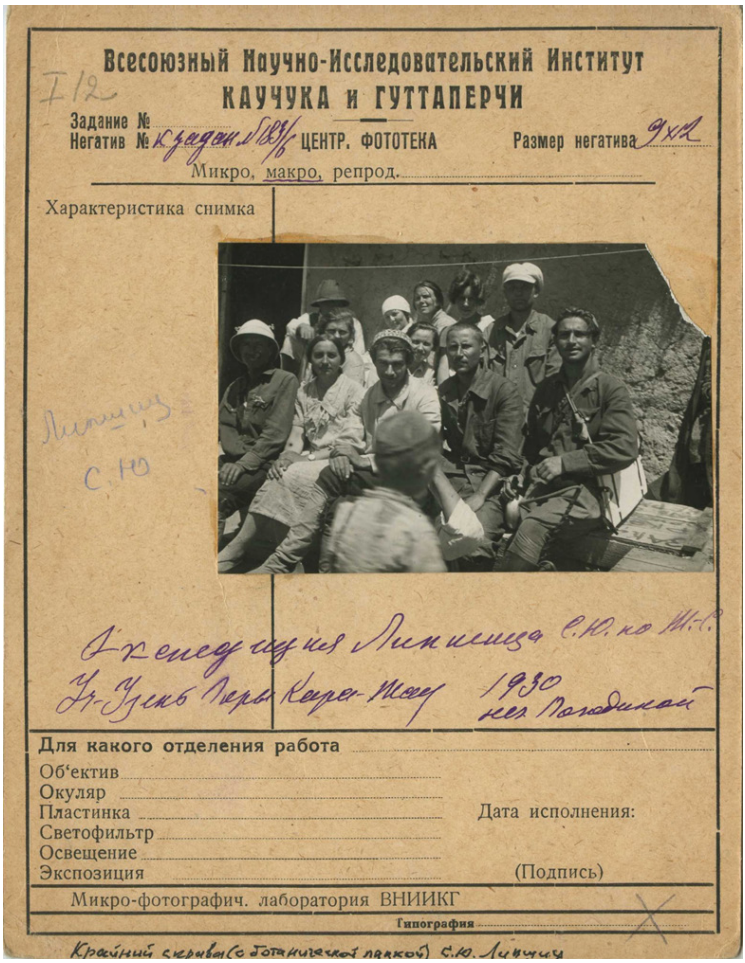


Рис. 1. Общий план: фото экспедиции С.Ю. Липшица по изучению тау-сагыза в горах Каратау в 1930 г. на бланке Всесоюзного НИИ каучука и гуттаперчи

Fig. 1. General shot: S.Yu. Lipshits' expedition to study tau-sagyz in the Karatau mountains in 1930. Photograph on the letterhead of the All-Union Research Institute of Rubber and Gutta-Percha

товке к изданию двух первых томов по требованию цензуры ему пришлось исключить статьи о «врагах народа», в том числе Н.И. Вавилове. Не исключено, что с этого времени С.Ю. Липшиц «попал под колпак» партийных чиновников и исполнительной власти. Возникли трудности с продолжением издания словаря. С.Ю. Липшиц даже обращался с письмом к Сталину. После августовской сессии ВАСХНИЛ Липшицу пришлось перерабатывать входящие в 3-й и 4-й тома некоторые статьи с тем, чтобы они отражали «победы» мичуринской биологии. Готовый набор 5-го тома словаря был рассыпан. Сохранилось несколько корректурных экземпляров. С текстом 5-го тома теперь можно познакомиться во всемирной электронной сети. Подробности истории со словарем описаны в литературе (Файнштейн, 1992; Федотова, 2012).

Рис. 2. Крупный план: фото сотрудников экспедиции С.Ю. Липшица по изучению тау-сагыза в горах Каратау в 1930 г. (негатив Погодиной). Крайний справа, с ботанической папкой, С.Ю. Липшиц

Fig. 2. Close-up: S.Yu. Lipshits' expedition to study tau-sagyz in the Karatau mountains in 1930. (negative by Pogodina). S.Yu. Lipshits holding a botanical folder is on the far right of the picture

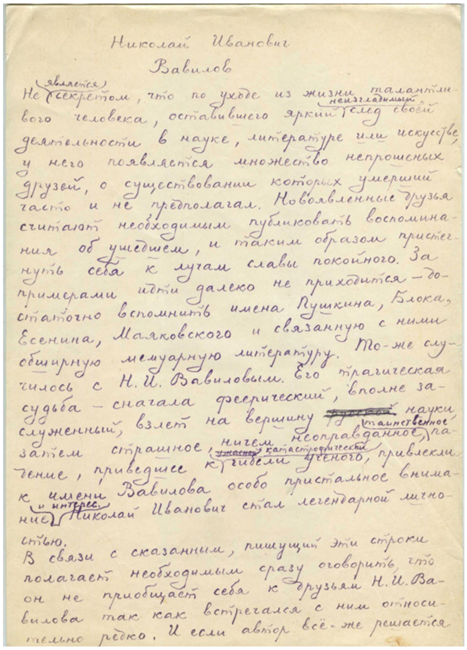
Представляет интерес описание посещения Вавиловым Гербария МГУ, который сейчас носит имя Д.П. Сырейщикова.

С.Ю. Липшиц подробно описал в своей статье (Липшиц, 1968) роль Дмитрия Петровича Сырейщикова в жизни Гербария[4]. Коммерсанту Сырейщикову в 1918 г. было предложено заведовать Гербарием. И он превратил травохранилище в научно-исследовательский центр по систематике растений и флористике, который собирал вокруг себя любителей ботаники. Благодаря Дмитрию Петровичу, по словам Павла Александровича Смирнова: «Гербарий зажил полной жизнью, причем все делалось в самой дружеской, товарищеской атмосфере и без всякого административного вмешательства. Гербарий был открыт для всех с раннего утра и до самой поздней ночи» (Смирнов, 1940, с. 330)[5]. В этой атмосфере, которую Сергей Юльевич характеризует как «кристально-чистую», в которой «элементы зависти, подсиживания, карьеризма нацело отсутствовали», он и сложился как ботаник и приобрел друзей и наставников (см.: Липшиц, Юнатов, 1956).

После смерти Д.П. Сырейщикова в течение трех лет Гербарием заведовал П.А. Смирнов. Впоследствии атмосфера Гербария изменилась. Некоторые представления об этом дает «Выписка из исторических материалов Гербария...», текст которой и комментарии к ней, написанные Липшицем в 1935 г., приведены после «Воспоминаний о Н.И. Вавилове».

[4] О Д.П. Сырейщикове см. также: Губанов, 2004; Курченко, Юрцев, 2004.

[5] О П.А. Смирнове см.: Липшиц, Юнатов, 1956.



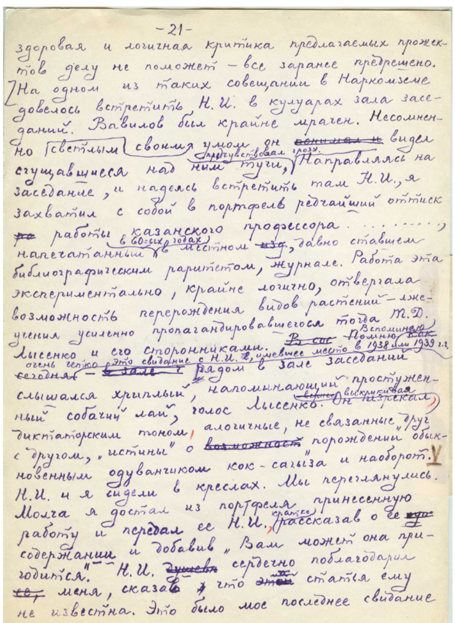
Николай Иванович
Вавилов

Не является секретом, что по уходе из жизни талантливого человека, оставившего яркий неизгладимый след своей деятельности в науке, литературе или искусстве, у него появляется множество непрошеных друзей, о существовании которых умерший часто и не предполагал. Новоявленные друзья считают необходимым публиковать воспоминания об ушедшем, и таким образом пристегнуть себя к лучам славы покойного. За примерами идти далеко не приходится — достаточно вспомнить имена Пушкина, Блока, Есенина, Маяковского и связанную с ними обширную мемуарную литературу. То же случилось с Н.И. Вавиловым. Его трагическая судьба — сначала феерический, вполне заслуженный, взлет на вершину науки, затем страшное, ничем неоправданное, катастрофическое падение, приведшее к гибели ученого, привлекли к имени Вавилова особо пристальное внимание и интерес. Николай Иванович стал легендарной личностью.

В связи с сказанным, пишущий эти строки полагает необходимым сразу оговорить, что он не приобщает себя к друзьям Н.И. Вавилова так как встречался с ним относительно редко. И если автор всё-же решается

Рис. 3. Начало рукописи

Fig. 3. The beginning of the manuscript



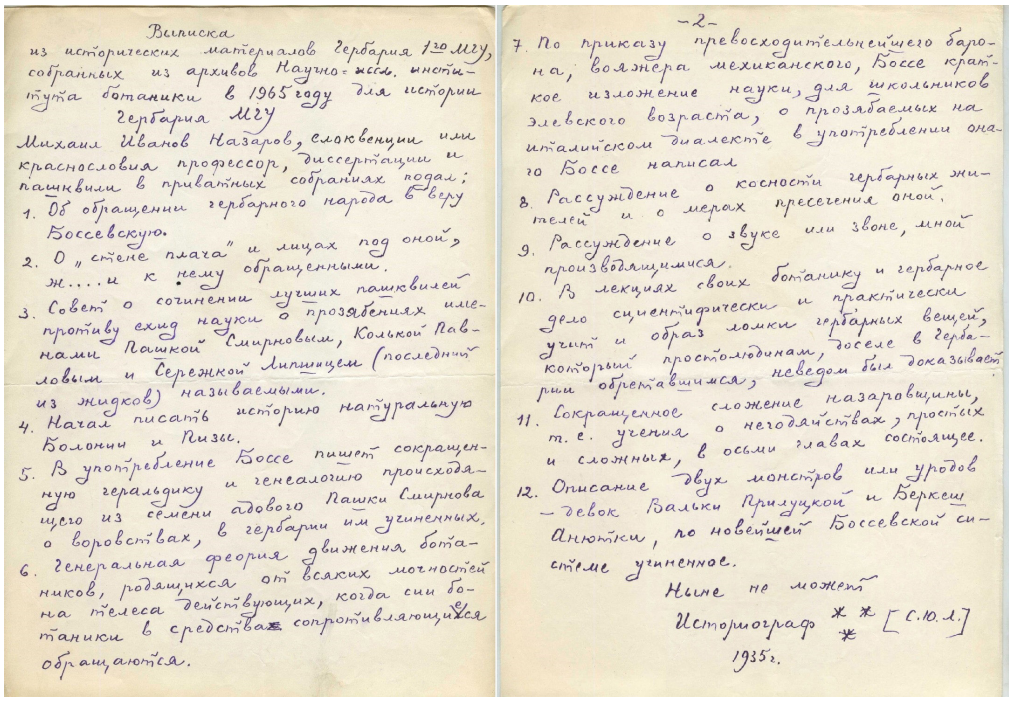
\- 21 -

здоровая и логичная критика предлагаемых прожектов делу не поможет — все заранее предрешено.

На одном из таких совещаний в Наркомземе довелось встретить Н.И. в кулуарах зала заседаний. Вавилов был крайне мрачен. Несомненно светлым своим умом он предчувствовал грозу, видел сгущавшиеся над ним тучи. Направляясь на заседание, и надеясь встретить там Н.И., я захватил с собой в портфель редчайший оттиск работы казанского профессора ...., напечатанный в 60-ых годах в местном, давно ставшем библиографическим раритетом, журнале. Работа эта экспериментально, крайне логично, отвергала возможность перерождения видов растений — лжеучения усиленно пропагандировавшегося тогда Т.Д. Лысенко и его сторонниками. Вспоминаю очень четко это свидание с Н.И., имевшее место в 1938 или 1939 г.г. Рядом в зале заседаний слышался хриплый, напоминающий простуженный собачий лай, голос Лысенко. Он выкрикивал диктаторским тоном, алогичные, не связанные друг с другом, „истины" о порождении обыкновенным одуванчиком кок-сагыза и наоборот. Мы переглянулись. Н.И. и я сидели в креслах. Молча я достал из портфеля принесенную работу и передал ее Н.И., кратко рассказав о ее содержании и добавив „Вам может она пригодиться." Н.И. сердечно поблагодарил меня, сказав, что статья ему не известна. Это было мое последнее свидание

Рис. 4. Фрагмент рукописи с правкой автора

Fig. 4. A fragment of the manuscript with the author's corrections



Выписка
из исторических материалов Гербария 1го МГУ,
собранных из архивов Научно-иссл. инсти-
тута ботаники в 1965 году для истории
Гербария МГУ
Михаил Иванов Назаров, елоквенции или
краснословия профессор, диссертации и
пашквили в приватных собраниях подал;
1. Об обращении гербарного народа в веру
Боссевскую.
2. О „стене плача" и лицах под оной,
ж....и к нему обращенными.
3. Совет о сочинении лучших пашквилей
противу ехид науки о прозябениях име-
нами Пашкой Смирновым, Колькой Пав-
ловым и Сережкой Липшицем (последний
из жидков) называемыми.
4. Начал писать историю натуральную
Болонии и Пизы.
5. В употребление Боссе пишет сокращен-
ную геральдику и генеалогию происходя-
щего из семени адового Пашки Смирнова
о воровствах, в гербарии им учиненных.
6. Генеральная феория движения бота-
ников, родящихся от всяких мочностей
на телеса действующих, когда сии бо-
таники в средства сопротивляющиеся
обращаются.

-2-
7. По приказу превосходительнейшего баро-
на, вояжера мехиканского, Боссе крат-
кое изложение науки, для школьников
элевского возраста, о прозябаемых на
италийском диалекте в употреблении она-
го Боссе написал
8. Рассуждение о косности гербарных жи-
телей и о мерах пресечения оной.
9. Рассуждение о звуке или звоне, мной
производящимися.
10. В лекциях своих ботанику и гербарное
дело сциентифически и практически
учит и образ ломки гербарных вещей,
который простолюдинам, доселе в Герба-
рии обретавшимся, неведом был доказывает.
11. Сокращенное сложение назаровщины,
т. е. учения о негодяйствах, простых
и сложных, в осьми главах состоящее.
12. Описание двух монстров или уродов
— девок Вальки Прилуцкой и Беркеш
Анютки, по новейшей Боссевской си-
стеме учиненное.
Ныне не может
Историограф * * * [С.Ю.Л.]
1935 г.

Рис. 5. Рукопись текста «Выписки...»

Fig. 5. The manuscript of the “Extracts ...”

Об атмосфере, сложившейся в Гербарии после смены руководства, свидетельствует и услышанная В.Р. Филиным от В.Н. Вехова[6], часто повторяемая Н.И. Назаровым присказка: «Я Пашку в щель загоню!».

Текст «Воспоминаний» приведен без изменений.

Авторы «Предисловия» благодарят В.В. Птушенко за советы при подготовке рукописи С.Ю. Липшица к изданию.

[6] О В.Н. Вехове см.: Тихомиров, 1992.

С.Ю. Липшиц

Николай Иванович Вавилов

Не является секретом, что по уходе из жизни талантливого человека, оставившего яркий неизгладимый след своей деятельности в науке, литературе или искусстве, у него появляется множество непрошеных друзей, о существовании которых умерший часто и не предполагал. Новоявленные друзья считают необходимым публиковать воспоминания об ушедшем и таким образом пристегнуть себя к лучам славы покойного. За примерами идти далеко не приходится — достаточно вспомнить имена Пушкина, Блока, Есенина, Маяковского и связанную с ними обширную мемуарную литературу. То же случилось с Н.И. Вавиловым. Его трагическая судьба — сначала феерический, вполне заслуженный взлет на вершину науки, затем страшное, ничем не оправданное, таинственное падение, приведшее к катастрофической гибели ученого, привлекли к имени Вавилова особо пристальное внимание и интерес. Николай Иванович стал легендарной личностью.

В связи со сказанным пишущий эти строки полагает необходимым сразу оговорить, что он не приобщает себя к друзьям Н.И. Вавилова, так как встречался с ним относительно редко. Если автор все же решается поделиться некоторыми воспоминаниями об этих встречах, а также своими соображениями о личности и судьбе мученика науки, то это объясняется лишь желанием сохранить для будущего пусть фрагментарные, но правдивые сведения о преступно рано оборванной жизни гиганта.

Природа выделила Н. И. из числа простых смертных. Она щедро наделила его блестящим умом и талантом исследователя. С широтой интересов, энциклопедичностью знаний, исключительными целеустремленностью, трудолюбием и выносливостью, редкой преданностью науке и верой в ее силы, удивительными организаторскими способностями. Одновременно с этими основополагающими качествами подлинного ученого природа стройно сочетала в «индивидууме Вавилова» редко встречающиеся столь выраженной гармоничности черты настоящего большого Человека. К ним относятся доброта, доверие к людям (что частично и погубило Н. И.), доступность для каждого, нуждающегося в совете и помощи, то есть отсутствие «генеральства» и позы. Для полноты картины необходимо добавить обаяние, привлекавшее к ученому тысячи сердец не только специалистов, но и простых людей, прямоту и честность (при твердости защиты своих убеждений и взглядов), глубокую, органически присущую любовь к родной стране и желание ее возвеличить и прославить не словами, а делами.

Резюмируя вышесказанное, необходимо считать Н.И. Вавилова гениальным и светлым человеком — великим ученым, блестящим организатором науки, гуманистом, демократом, подлинным патриотом. Казалось бы, что страна, породившая подобного титана, должна была его особенно беречь. Беречь как зеницу ока. Лелеять и создать максимально благоприятные условия для жизни, творчества и дальнейшего роста и расцвета таланта своего, прославленного во всем мире, неповторимого сына. При жизни В.И. Ленина и его ближайших культурных преемников это действительно делалось. Однако, с воцарением в стране самодержавия Сталина, в науке его прямого порождения — позорной памяти Лысенко — отношение к Вавилову резко изменилось. Были приняты все меры к полной дискредитации ученого и его

теоретических воззрений и трудов, к разрушению всего построенного им мощного комплекса научных учреждений (в том числе главной базы работы — созданного Н. И. Всесоюзного института растениеводства), умно сочетавших развитие теории с нуждами практики. Но этого было мало. Зная непоколебимость научных воззрений Н. И., непреклонность в их защите, учитывая огромный авторитет его не только среди ученых, но и практиков, нужно было изъять из активной жизни этого непокорного человека и запретить поминание о его существовании, т. е. заживо похоронить. При полном произволе, господствовавшем в сталинские времена, сделать это было крайне просто. Н. И. арестовали, а затем физически уничтожили. Как известно, по официальным данным Н. И. скончался от дистрофии в тюремной больнице города Саратова. Неофициальные же сведения, видимо, останутся тайной навсегда. Могила Н. И. также остается неразысканной. Попытка, предпринятая журналистом М.И. Поповским, получившим доступ к ознакомлению с «делом Вавилова», хранящимся в архиве Комитета госбезопасности, Ф.Х. Бахтеева и других лиц, приоткрыть тайну последних лет жизни Н. И. не внесла окончательной ясности в этот вопрос. Известно только, что Н. И. был приговорен к расстрелу, который, якобы, после подачи им просьбы о помиловании заменили пожизненным тюремным заключением. Даже если отбросить, как слишком пессимистичное, предположение о том, что ходатайство Н. И. не было принято во внимание, остается несомненным, что Мученику науки пришлось пережить весь ужас страданий обреченного к уничтожению человека в жутких условиях камеры смертников.

Попытаемся мысленно представить себе трагедию кипящего энергией и идеями ученого, не чувствующего никакой вины, наглухо замурованного в тюремную клетку. Он лишен возможности общения с коллегами и друзьями по работе, оторван от родной семьи, от природы, коллекций и книг, у него нет письменных принадлежностей, следовательно, он не может фиксировать мысль на бумаге. Короче говоря, ученый был инквизиторски обречен на полную творческую бездеятельность. Нарисованная картина делает понятной ужасную судьбу, выпавшую на долю того, кого считали баловнем ее.

Как я уже вкратце говорил раньше, печальный закат жизни Н. И. весьма напоминает судьбу Лавуазье. Но Лавуазье пострадал как откупщик, он считался подозрительным и чуждым заправилам Французской революции, и все же, как гласит предание, ему отсрочили казнь и предоставили возможность окончить начатые опыты. Не было ли бы более правильным в интересах государства и науки дать возможность Н. И. даже в тюрьме получать необходимые книги и писать? Ведь и в таких примитивных, тяжких условиях он мог еще внести некоторый новый ценный вклад в науку. Однако это никого из тюремщиков не интересовало; с тупым равнодушием и безразличием «машина была запущена» и творила свое гнусное дело.

Преднамеренное, даже не замаскированное псевдоюридическим флером, убийство Вавилова является одним из страшнейших преступлений сталинского режима и его кровавого вдохновителя. Оно никогда не может быть и не будет забыто и оправдано.

Но удивительно другое. Когда наступила возможность говорить о Вавилове, восстановить из небытия его доброе имя, дать объективную оценку всему внесенному им в науку и практику, правда о Н. И. не была досказана до конца начистоту. Цензура бдительно следила, чтобы нигде не было верного указания на причину и место его гибели. Представители молодого поколения ботаников, агрономов, гео-

графов часто не знали, что Н. И. арестовали и он погиб в тюрьме; они полагали, что Н. И. умер естественной смертью на свободе. Поэтому следует высоко оценить поступок Ал.А. Федорова, не побоявшегося во вступительной статье, приложенной к биографо-библиографическому очерку о Вавилове, изданному Академией наук СССР, «поставить точку над и» и дать точное указание, когда и где умер Н. И. Хотя эта книга вышла в свет ограниченным тиражом (всего в количестве 1 000 экземпляров), но она единственная, в которой имеются верные, прямые, нефальсифицированные сведения о последних днях жизни Н. И.

К сказанному необходимо добавить следующее. 1) Вся шайка моральных убийц (да и только ли моральных?) Н. И., призывавших (по указке свыше) к уничтожению борца за науку, сделавшая на кровавой тризне по Вавилову карьеру и приобретшая силу — отделалась легким испугом и осталась ненаказанной и незаклейменной (Лысенко, Презент, Опарин, Лобанов и мн. другие). До сегодняшнего дня они своим пребыванием в стенах Академии наук СССР, ВАСХНИЛ позорят эти учреждения. 2) Мало того, некоторые из названных лиц, а еще больше из неназванных, имели наглость выступать и проливать «крокодиловы слезы» на заседаниях, устроенных в память Н. И. по случаю 75-летия и 80-летия со дня его рождения (например, Павловский, Лобанов и друг.). Напрасно они рассчитывали на слабость человеческой памяти, напрасно надеялись на то, что в калейдоскопе нашей жизни забылась их недостойная роль в захвате Лысенко и его бандой ключевых автократических позиций в биологии, принесших столько непоправимого вреда русской науке и на четверть века законсервировавших ее движение вперед.

Хотя поздно, ценой многих человеческих жертв истина, пусть и не полностью, восторжествовала. Время выкинуло в мусорный ящик истории все (решительно все) так называемые новаторские теории и практические предложения Лысенко и его сторонников, все многочисленные «научные труды» их, огромным мутным потоком наводнявшие нашу биологию. Так не честнее и умнее ли было бы рассказать неприкрашенную правду о совершенном над Н. И. насилии и преступлении, спокойно осветить их причину, а также по справедливости наказать главных виновников? Наказать так, чтобы впредь никогда не могло повториться аналогичное преступление, чтобы уголовные элементы, засоряющие науку, знали о существовании карающей силы правосудия.

Умалчивание правды и причины гибели Н. И. пытаются объяснить нежеланием «ворошить старые дела», говорят, что это может стать лишней компрометацией советского государства, что трагедия Вавилова опровергает тезис о том, что «партия никогда не ошибается» и т. д. На мой взгляд, все эти оговорки напоминают секреты Полишинеля. Покойный В.И. Вернадский неоднократно любил повторять афоризм — «нет ничего сильнее свободного слова». Это мудрое изречение выбито золотыми буквами на могильном памятнике ученого. Так вот, как раз, у нас этого свободного слова боятся как чумы и не терпят. Никогда простыми искренними словами, западающими в церковку сердца, очищающими от скверны, нам не говорят правды о свершенных ошибках и преступлениях.

Первое знакомство мое с легендарным Н.И. Вавиловым, сколько вспоминаю, произошло в начале 30-х годов в помещении Гербария Московского университета. Как известно, Н. И. неоднократно приезжал по делам в Москву. Острили, что Вавилова легче всего найти и поймать в вагоне поезда между Ленинградом и Москвой, нежели непосредственно в этих городах. Во время пребывания в Москве

Н. И. несколько раз посетил Гербарий университета. Несомненно, что помимо интереса, вызываемого самим старейшим ботаническим очагом, главной привлекающей фигурой в этих визитах был заведующий Гербарием Д.П. Сырейщиков. Д.П. Сырейщиков выделялся широкой культурой, глубокими знаниями, любовью к книге (он собрал превосходную ботаническую библиотеку, весьма богатую ценными библиографическими раритетами)[7]. Он располагал к себе чертами характера — добротой, мягкостью, отзывчивостью, тактом, не говоря о чисто московском гостеприимстве и теплоте. Сколько знаю, Н. И. познакомился с Сырейщиковым еще в свои студенческие годы и искренне его уважал и любил.

Посещения Гербария Вавиловым приурочивались обычно к позднему вечеру. Стройный, излучающий обаяние и свет, простой в обращении, с большим портфелем, набитым книгами в руке, Вавилов появлялся как-то неожиданно. Необычайными, незабываемыми были глаза Н. И. — глаза-яхонты; они фосфорически эманировали мысль. Глубоко насквозь пронизывали собеседника, с первого взгляда очаровывая и притягивая к себе. Разговор примерно начинался следующим фразами Н. И.: «А я к вам зашел на огонек проветрить голову после длительного скучнейшего казенного заседания. Хочу знать, над чем работают московские ботаники-флористы и систематики, что новенького, волнующего нашли и открыли они. Скажу Вам по секрету, как старого москвича меня интересуют дела и дни московской ботаники, чем она дышит сегодня. Давайте беседовать». И начинался долгий, иногда длящийся до полуночи, а то и дольше, запоминавшийся разговор. Затрагивались самые разнообразные темы. Н. И. непринужденно делился впечатлениями о виденном и пережитом в какой-нибудь из своих последних экспедиций или поездок (запомнились его рассказы о природе и — особенно — растительности Афганистана). Множество интересных подробностей сообщал Н. И. о научно-исследовательских учреждениях (институтах, гербариях, музеях, ботанических садах, опытных станциях и т. д.), посещенных им в зарубежных странах. При этом не забывалась и характеристика (как научная, так и человеческая) иностранных ученых разных национальностей, с которыми Вавилову приходилось постоянно общаться. Вот один из примеров таких рассказов. «Встретился я с этой английской исследовательницей, знаменитым морфологом растений, забыл ее фамилию» (кажется, последнее было сказано умышленно). Кто-то подсказывает — Агнесса Арбер. «Да, да, точно она. Так вот она меня спрашивает — “Скажите, профессор, Вы лучший знаток злаков, сколько их насчитывается на земном шаре?” Я отвечаю — миллион».

Во время бесед Н. И. охотно и много говорил о выдающихся новинках биологической, ботанической и биографической литературы. Нередко коротко, необыкновенно ясно и выпукло, излагал содержание самой сложной и запутанной работы, то одобряя выводы автора, то ядовито критикуя их. Литературная новинка иногда тут же демонстрировалась. Ее Н. И. извлекал из недр своего обширного портфеля. Память Вавилова казалась бездонной, энциклопедичность знаний — неисчерпаемой, круг интересов — безграничным. Внимательно вникал гость и в рассказы

[7] Библиотека служила основой для работ по систематике, флористике и ботанической географии растений. Цельной единицей она хранилась в библиотеке МГУ на Моховой. Впоследствии, благодаря стараниям П.А. Смирнова, была перемещена в библиотеку биолого-почвенного факультета МГУ на Воробьевых горах. В перевозке этой уникальной библиотеки из здания на Моховой на Воробьевы горы П.А. Смирнову помогали В.Н. Тихомиров и В.Р. Филин.

сотрудников Гербария, которые тогда были молодыми, полными сил, энтузиазма и задора. Каждый стремился познакомить Н. И. с темой своего исследования, продемонстрировать наиболее важный и редкий гербарный материал, наглядно подтверждающий полученные выводы, посоветоваться в ряде вопросов с прославленным исследователем, получить одобрение или поддержку. Эти посещения Н. И. вносили огромную радость в жизнь дружного коллектива Гербария, стимулировали творческий подъем.

Иногда при посещениях Вавиловым Гербария бывали и анекдотические случаи. Помнится, в самом начале шпионобоязни, переросшей затем в шпиономанию, в Ботаническом институте, как и во всем университете, ввели строжайшие пропуска для права входа в здание. Однажды поздно вечером мы, работавшие в Гербарии, стали свидетелями шумных разговоров на площадке, примыкающей к помещению травохранилища. Выйдя на площадку, мы увидели фигуру Н.И. Вавилова, убеждавшего вахтера пропустить его в Гербарий «к друзьям-ботаникам». Убеждения эти, подкрепленные демонстрацией документов, свидетельствующих о том, что посетитель является академиком и директором Всесоюзного института растениеводства, не возымели действия. «Много тут вас академиков ходют», — возражал непреклонный старик-вахтер. Лишь императивное вмешательство вышедшего на шум заведующего Гербарием — Д.П. Сырейщикова положило конец этим пререканиям. Отмечу, что стол выдачи пропусков находился на другом дворе университета далеко от института.

Чаще приходилось встречаться с Н. И. в период так называемой «Каучуконосной эпопеи». Н. И. состоял членом Правительственной комиссии по переобследованию флоры СССР на каучуконосность. Следовательно, он стоял у истоков обширных поисковых работ по выявлению ценных объектов, являвшихся источником натурального каучука. После находок в нашей флоре основных каучуконосов — сначала видов хондриллы, затем тау-сагыза, кок-сагыза и других, Н. И. постоянно консультировал вопросы культуры и освоения этих объектов в специально созданном Тресте по каучуконосам, а также в Институте каучука и гуттаперчи. С директором Треста, рано умершим В.Н. Макагоном, Н. И. связывала большая дружба. Они встречались еще в Казахстане, где В.Н. Макагон состоял председателем Высшего совета народного хозяйства.

Н. И. был постоянным активным участником многочисленных совещаний и съездов по каучуконосам, то созывавшихся по более специальным вопросам в Тресте, то носивших широкий характер и организуемых Институтом каучука. Когда в хребте Кара-тау С. Зарецкий открыл тау-сагыз, туда была направлена большая экспедиция по обследованию естественных зарослей данного растения, выяснению его биологии, сбору семян и т. д. Одновременно в Кара-тау же организовали опытную станцию для решения первоначальных вопросов, связанных с вопросами введения в культуру тау-сагыза, выяснения возможности его быстрейшего размножения, для получения материалов по содержанию каучука и смол. Научное руководство как экспедиции, так и опытной станции, в состав работников которых входила молодежь, выпало на мою долю. Работа экспедиции и опытной станции происходила в крайне тяжелых и неблагоприятных условиях. Начавшаяся в Казахстане коллективизация вызвала голод. Малочисленность научного и технического состава коллектива, его «зеленость», трудности с помещением, с доставкой оборудования и химикалий в горных условиях, недостаток транспортных средств и многое другое от-

ражались на темпах и результатах работы. Все держалось на энтузиазме молодости. Хозяйственники требовали от нас срочных заключений и рецептов по всем вопросам, связанным с немедленным введением тау-сагыза в массовую культуру, растения только что открытого, биологически неизученного. Стране нужен был каучук.

Тау-сагыз, как новый, весьма перспективный объект, притянул к себе стаю авантюристов, случайных людей, которых в Кара-тау направлял Трест. Они приезжали, их необходимо было где-то устроить, накормить, обеспечить транспортом и т. д. Многие из этих приезжих предлагали неосуществимые проекты, нарушали нормальный ход развернутых исследовательских работ, вмешивались не в свое дело и т. д. Лишь после моих категорических протестов с угрозой немедленной отсылки обратно непрошеных, а главное — ненужных гостей, поток этих мигрантов прекратился.

Мало кому известно, что Н.И. Вавилов посетил хр. Кара-тау для личного знакомства с прославленным каучуконосом — тау-сагызом. Случилось это в 1931 г., т. е. в первом году, посвященном работам по научному изучению и введению в культуру тау-сагыза. Уже упоминалось о том, что в этом году начали действовать в ареале дикорастущего тау-сагыза специально снаряженные экспедиции и опытные станции. Однако, помимо них, директор треста «Каучуконос» В.Н. Макагон решил привлечь Н.И. Вавилова для получения от него ряда авторитетных прогнозов и консультаций по тау-сагызу. Организовали превосходно экипированную, богато снабженную продовольствием вторую экспедицию, в состав которой вошли Н.И. Вавилов, В.Н. Макагон и несколько других крупных чиновников из треста «Каучуконос». Экспедиция была кратковременной и носила характер «кавалерийского налета» на хр. Кара-тау и заросли тау-сагыза. Хорошо вспоминаю, как под вечер к нам к помещению и палаткам, занятым опытной станицей, налетела кавалькада путников, экзотически одетых в специально сшитые экспедиционные костюмы. Головы их были увенчаны пробковыми шлемами, лошади, на которых приехали вновь прибывшие люди, были как на подбор — масть в масть. Кавалькаду сопровождали казахи-проводники, бедно одетые, на жалких лошаденках. В пестрой группе приехавших выделялась фигура Н. И., скромно одетого в обычный рабочий костюм. На голове Н. И. тоже носил шлем, который весьма шел к его лицу.

Должен откровенно сознаться, визит «высокопоставленных» произвел на меня, да и не только на меня, а и на всех сотрудников станции, крайне тяжелое впечатление. Мы с лицами, обросшими щетиной или бородами, в оборванной одежде, изношенной обуви (ведь в хр. Кара-тау сплошные скалы и каменистые осыпи), уставшие до предела (работать приходилось по 14–18 часов в сутки), похудевшие от недоедания, все сидели на голодном пайке. Они — одетые «с иголочки», упитанные, самодовольно-барственные. Два мира.

Н. И. очень торопился; он должен был утром срочно уезжать, не помню куда, если не ошибаюсь, в Ташкент. Темнота в Кара-тау наступает быстро. Бегло осмотрели близлежащие заросли тау-сагыза, затем показали наши примитивные лаборатории и опытные делянки, рассказали о проведенных работах. Сели ужинать. Привезенные гостями консервы, колбаса и прочие деликатесы нам показались Лукольовским пиршеством. Отлично помню, как после ужина перед устройством на ночлег, оставшийся большой ящик с мясными консервами, а также «кругляки» драгоценной колбасы, усиленно раздавались проводникам и налетевшим как шквал, чуть ли не со всего Кара-тау, казахам. Меня это так взорвало — ведь прибывшие

видели, в каких труднейших условиях мы работаем, — что я решился на следующий шаг. Чтобы спасти для голодающих сотрудников часть продовольствия, я громко крикнул несколько раз слово «Чушка» (т. е. по-казахски «свинина»). Казахи — мусульмане. Законы религии, в описываемый период еще сильно распространенные среди казахского населения, запрещали ему употребление свинины. Сразу полетели обратно банки консервов и связки колбасы. Они были подобраны, отнесены в помещение. Продовольствие это служило нам основной пищей долгий срок (замечу, что не все казахи оказались такими доверчивыми и столь проникнутыми религиозными чувствами — немалая толика продовольствия была потеряна). Уже позднее, когда большинство приезжих спало мертвым сном, а мы сидели в палатке почти до рассвета и беседовали на научные темы, Н. И. очень одобрил мою находчивость. Он прекрасно видел и понимал трудность нашей работы.

Как хорошо известно, молодости свойствен подъем. Однако опыта и знаний весьма не хватает. То же было и со мной, тогда начинающим научным работником, поставленным во главе ответственных исследований столь сложного и капризного растения, как тау-сагыз. Естественно, что у меня накопилось множество неясностей и вопросов по тау-сагызу, в разрешении которых мог помочь старший и опытный ученый. Им, отчасти, и явился Н. И.

К сожалению, рано утром он вместе с другими уехал из Кара-тау в город Туркестан.

По-видимому, сам Н. И. понимал, что столь кратковременный «наскок» на тау-сагыз не дает права делать ответственные заключения и что-либо печатать. Сколько знаю, никаких публикаций об этом замечательном растении Вавилов не печатал, да и в хозяйственных рекомендациях и выводах был крайне скуп и осторожен.

Вслед за тау-сагызом, с помощью колхозника В. Спиваченко, Л.Е. Родин открыл более перспективный каучуконос — кок-сагыз. Для всестороннего его изучения послали экспедицию, научное руководство которой снова возложили на пишущего эти строки. Как итоговый результат проведенных исследований, мной была составлена первая монография по кок-сагызу. Во главе Института каучука и гуттаперчи тогда стоял А.М. Лапин[8], впоследствии арестованный и сосланный в Карагандинский лагерь. А.М. Лапин долгое время работал во Всесоюзном институте растениеводства совместно с Н.И. Вавиловым. Если не ошибаюсь, там А.М. Лапин занимал должность заместителя директора института. По настоянию Лапина рукопись монографии о кок-сагызе направили к Н.И. Вавилову, который, якобы, охотно согласился с ней познакомиться и написать предисловие. Обработка материалов по кок-сагызу по возвращении из экспедиции заняла значительный срок и несколько задержала составление монографии и сдачу ее в печать. Поэтому естественным было стремление увидеть книгу скорее вышедшей в свет, чтобы не потерять приоритет. Между тем от Вавилова, которому послали рукопись монографии, в течение ряда месяцев не поступало никакого ответа. Воспользовавшись поездкой в Ленинград для работы

[8] Согласно словарю «Русские ботаники» (5 т.), Александр Михайлович Лапин (1884–1942) — ботаник-педагог, флорист. Окончил Петербургский психоневрологический институт. Был преподавателем естествознания в медицинском и сельскохозяйственном техникуме Ташкента. Лапину принадлежат 2 части «Определителя растений Ташкентского оазиса»: Ч. 1. 1938. 344 с; Ч. 2. Голосеменные и покрытосеменные. Ташкент, 1941. 120 с. Согласно сведениям, сообщенным женой через А.И. Введенского, Лапин скончался в Ташкенте.

в Гербарии, я решил набраться храбрости и лично посетить Н. И. с тем, чтобы выяснить причину задержки его предисловия к книге. Вот тогда я в первый и последний раз посетил директорский кабинет Вавилова во Всесоюзном институте растениеводства. Пробиться к ученому в кабинет через строй чиновников, власть имеющих в приемной, было делом нелегким. При исключительной занятости Н. И. и многочисленности желающих побывать у него — «аппарат секретариата» крайне фильтровал посетителей. Мне повезло. По счастью, Н. И. по какому-то делу вышел из своего кабинета. Увидев меня и тепло поздоровавшись, он тотчас же повел меня в кабинет, к большой досаде чиновников из секретариата. Быстро выяснилось, что рукопись монографии кок-сагыза мирно покоится в одном из многочисленных шкафов канцелярии и до Н. И. не дошла. Невольно мне пришлось быть свидетелем «разноса» сотрудников секретариата за подобный беспорядок и разгильдяйство. Н. И. обещал в ближайшие дни прочесть рукопись и написать предисловие. Это было немедленно исполнено, и когда я возвратился в Москву, рукопись с предисловием лежала уже на столе в Институте каучука. Вскоре книга с большой вводной статьей Вавилова вышла из печати[9].

Огромный кабинет Н. И. поражал отсутствием казенности и холодности. Он являлся не только официальной приемной, но одновременно рабочей лабораторией ученого. Множество книг, расположенных в шкафах, на столах и даже на полу, портреты ученых, украшающие стены, развешенные там же и на стендах карты и схемы, обширные коллекции культурных растений (запомнилось обилие образцов пшеницы), раскинутые по столам, и находящиеся в процессе обработки бесчисленные стопки рукописей и т. п. — все свидетельствовало об обжитости кабинета, в непрестанных трудах владельца его.

После моего ухода из Института каучука и до этого нечастые встречи с Н.И. Вавиловым стали еще более редкими. Заочная связь с ним, однако, не порывалась. М.Г. Попов[10], обычно останавливавшийся у меня в Москве, несколько раз посещал Н.И. Вавилова. После визитов к Н. И. Попов делился со мной своими свежими впечатлениями. Прекрасно помню один из рассказов Михаила Григорьевича. В нем он сообщил о тяжелом настроении Н. И., поведавшего своему другу о невозможности совместной работы с Лысенко в ВАСХНИЛ, где воз тащил тот же Вавилов, о препонах, созданных в деле заграничных поездок и связей и т. п.

По старой памяти меня иногда приглашали на совещания, посвященные каучуконосам, созываемые Наркомземом или ВАСХНИЛ. На них изредка приходилось видеть Н. И. Заседания эти проходили под аккомпанемент литавров так называемой мичуринско-лысенковской биологии. «Вещал» на заседаниях Лысенко или его ставленники, получившие диктаторские права в биологии. Зал обычно молчаливо слушал «откровения», преподносимые ему пифией. Люди, критически мыслящие, боялись выступать или не желали этого делать, зная, что их высказывания будут демагогически опорочены, искажены и кроме неприятностей ничего не принесут. Известно было также, что здоровая и логичная критика предлагаемых прожектов делу не поможет — все заранее предрешено.

---

[9] См.: Липшиц, 1934.

[10] Попов Михаил Григорьевич (1893–1955) — выдающийся систематик, флорист, ботанико-географ. О нем см.: Липшиц, 1956.

На одном из таких совещаний в Накромземе довелось встретить Н. И. в кулуарах зала заседания. Вавилов был крайне мрачен. Несомненно, своим светлым умом он видел сгущавшиеся над ним тучи, предчувствовал грозу. Направляясь на заседание и надеясь встретить там Н. И., я захватил с собой в портфель редчайший оттиск работы казанского профессора...,[11] напечатанный в 60-х годах в местном, давно ставшим библиографическим раритетом журнале. Работа эта экспериментально, крайне логично, отвергала возможность перерождения видов растений — лжеучение, усиленно пропагандировавшегося тогда Т.Д. Лысенко и его сторонниками. Вспоминаю очень четко это свидание с Н. И., имевшее место в 1938 или 1939 г. Рядом, в зале заседаний слышался хриплый, напоминающий простуженный собачий лай, голос Лысенко. Он изрекал, выкрикивая диктаторским тоном, алогичные, несвязанные друг с другом «истины» о порождении обыкновенным одуванчиком кок-сагыза и наоборот.

Внешность Лысенко, стиль его выступлений очень напоминали Гитлера (удивительно, что на это сходство никто не обратил внимания). На мой взгляд, данное совпадение неслучайно. Оно объясняется паранойей. Н. И. и я сидели в креслах. Мы переглянулись. Молча я достал из портфеля принесенную работу и передал ее Н. И., кратко рассказав о ее содержании и добавив: «Вам она может пригодиться». Н. И. сердечно поблагодарил меня, сказав, что статья ему неизвестна[12]. Это было мое последнее свидание с Вавиловым. Больше я его живым не видел. Примерно через два года ливанский кедр был срублен.

ВЫПИСКА

из исторических материалов Гербария 1-го МГУ, собранных из архивов научно-исследовательского института ботаники в 1965 году для истории Гербария МГУ

Михаил Иванов Назаров[13], елоквенции или краснословия профессор, диссертации и пашквили в приватных собраниях подал:

Об обращении гербарного народа в веру Боссеевскую[14].

О «Стене плача» и лицах под оной, же.... к нему обращенными.

---

[11] В рукописи пробел.

[12] Статью, которую, вероятно, имел в виду С.Ю. Липшиц, удалось обнаружить в журнале «Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом». Это статья экстраординарного профессора кафедры агрономии Казанского университета Петра Андреевича Пелля «О Превращении растений», опубликованная в 4-м выпуске («книжке») журнала за 1857 г. Эта яркая, популярно и эмоционально написанная статья содержит обзор истории представлений о перерождении растений у разных народов, а также результаты собственных анатомических исследований автора, и заслуживает переиздания (*прим. В. Птушенко*).

[13] Назаров Михаил Иванович (1882–1942) заведовал Гербарием МГУ с 1935 по 1942 г. См. о нем: Губанов, 2004.

[14] Боссе Георгий Густавович (Георгий Густав Адольф Мария де Боссе, 1867–1964), в 1926 — 1927 гг. руководитель экспедиции в Южную Америку, и в том числе Мексику, для сбора семян культурных растений. С 1934 по 1939 г. — директор научно-иссл. ин-та ботаники при МГУ. См. о нем: Липшиц, 1947.

Совет о сочинении лучших пашквилей противу ехид науки о прозябениях именами Пашкой Смирновым[15], Колькой Павловым[16] и Сережкой Липшицем (последний из жидков) называемыми.

Начал писать историю натуральную Болонии и Пизы.

В употребление Боссе пишет сокращенную геральдику и генеалогию происходящего из семени адового Пашки Смирнова, о воровствах, в Гербарии им учиненных.

Генеральная феория движения ботаников, родящихся от всяких мочностей на телеса действующих, когда сии ботаники в средства сопротивляющиеся обращаются.

По приказу превосходительнейшего барона, вояжера мехиканского, Боссе краткое изложение науки, для школьников элевского[17] возраста, о прозябаемых[18] на италийском диалекте в употреблении онаго Боссе написал.

Рассуждение о косности гербарных жителей и о мерах пресечения оной.

Рассуждение о звуке или звоне, мной производящимися.

В лекциях своих ботанику и гербарное дело сциентифически и практически учит и образ ломки гербарных вещей, который простолюдинам, доселе в Гербарии обретавшимся, неведом был доказывает.

Сокращенное сложение назаровщины, т. е. учения о негодяйствах, простых и сложных, в осьми главах состоящее.

Описание двух монстров или уродов — девок Вальки Прилуцкой и Беркеш Анютки, по новейшей Боссеевской системе учиненное.

Ныне не может
Историограф * * * [С. Ю. Л.]
1935 г.

Эта выписка требует некоторых пояснений. Она была написана мной в 1935 г. в шуточной форме, придерживаясь языка XVIII века, столь любимого М.И. Назаровым, и нарочно датирована 1965 годом, являясь, так сказать, материалом для будущего. Составление ее приурочено к периоду острой борьбы «жителей» Гербария Московского университета (МУ) (П.А. Смирнова, Н.В. Павлова, С.Ю. Липшица), а также некоторых геоботаников (Г.И. Дохмана) с Г.Г. Боссе и его ставленником М.И. Назаровым. Г.Г. Боссе, назначенный директором Научно-исследовательского института ботаники МУ, которому подчинили Гербарий, начал усиленно вводить в последнем свои порядки. Они сводились к ликвидации той дружной и рабочей атмосферы Гербария, которая была создана в нем Д.П. Сырейщиковым. Инакомыслящие преследовались и изгонялись с мест, за которыми они проработали много лет. Для проведения своей линии Г.Г. Боссе заменил П.А. Смирнова, который состоял заведующим Гербарием после смерти Д.П. Сырейщикова, личностью М.И. Назарова, верного исполнителя «декретов» Г. Г.

---

[15] Смирнов Павел Александрович (1896–1980) — сотрудник Гербария МГУ, которым заведовал с 1932 по 1935 г. после смерти Д.П. Сырейщикова.

[16] Павлов Николай Васильевич (1893–1971) — систематик, ботанико-географ, академик АН КазахССР.

[17] От лат. *elevatio* — «повышение».

[18] По Далю «прозябенье» — «растение, трава».

О существовании этой шутки, которая получила распространение в виде машинописных экземпляров и среди студентов, работавших в Гербарии, я помнил. Но оригинала у меня не сохранилось. Недавно Б.А. Юрцев[19] принес мне машинописный экземпляр, сильно обветшавший от времени (ведь с момента его перепечатки прошло 32 года), этого произведения. В свое время, видимо по доносу Боссе, по поводу этой шутки меня вызывали в ГПУ, и она могла кончиться для меня весьма печально. По счастью, в ГПУ попался умный следователь, не придавший значения этому шуточному сочинению и сам посмеявшийся над ним, когда я ему объяснил, чем оно вызвано.

Примечания к пунктам

«Стеной плача» мы шутя называли сплошную стену, к которой нас пересадили с насиженных мест, спиной к Назарову.

4. Назаров любил «высокий стиль» и, желая показать свою образованность, часто говорил об Италии.

5. П.А. Смирнов в то время жил в маленькой комнатке и с разрешения Д.П. Сырейщикова издавна держал лично ему принадлежащее экспедиционное имущество (бумагу, сетки и т. п.) в помещении (подвале) Гербария. Естественно, что когда П. А. уезжал на работы, он брал с собой свои вещи.

10. Назаров решил идентифицировать размеры гербарных листов и провел это варварским способом. Он пустил края больших гербарных листов под резальную машину. Таким образом, гербарные образцы, лежавшие на краях листов, были уничтожены или сильно повреждены.

12. А. Беркеш была введена Боссе в штат Гербария как лаборант. Она сообщала ему все разговоры «оппозиции» Гербария. В. Прилуцкая — любовница Боссе. С. Липшиц

21.XI.1967

Литература

Баландин С.А., Уланова Н.Г., Онипченко В.Г. К 90-летию со дня рождения Вадима Николаевича Павлова // Бюллетень МОИП. Отд. биол. 2019. Т. 124. Вып. 6. С. 78–80.

Вавилов Н.И. Из эпистолярного наследия. 1929–1940-е гг. Научное наследство. Т. 10. М.: Наука, 1987. 493 с.

Губанов И.А. Дмитрий Петрович Сырейщиков // Кафедра геоботаники Московского университета: 75 лет со дня основания / Под ред. В.Н. Павлова, И.А. Губанова, С.А. Баландина. М., 2004. С. 484.

Губанов И.А. Михаил Иванович Назаров, 1882–1942 // Кафедра геоботаники Московского университета: 75 лет со дня основания / Под ред. В.Н. Павлова, И.А. Губанова, С.А. Баландина. М., 2004. С. 177–180.

[19] Юрцев Борис Александрович (1932–2004) — систематик, флорист, ботанико-географ. См. о нем: Сытин, Ребристая, Ходачек, 2007; Сытин, 2005.

Курченко Е.И., Юрцев Б.А. Павел Александрович Смирнов, 1896–1980 // Кафедра геоботаники Московского университета: 75 лет со дня основания / Под ред. В.Н. Павлова, И.А. Губанова, С.А. Баландина. М., 2004. С. 123–131.

Лебедев Д.В., Кирпичников М.Э. Сергей Юльевич Липшиц. (К 60-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 10. С. 14–80.

Липшиц С.Ю. Новый каучуконосный одуванчик Taraxacum kok-saghys. М.-Л.: Госхимтехиздат, 1934. С. 1–123.

Липшиц С.Ю. Светлой памяти Михаила Григорьевича Попова (1804–1955) // Ботанический журнал. 1956. Т. 41. № 5. С. 736–768.

Липшиц С.Ю., Юнатов А.А. Павел Александрович Смирнов. К 60-летию со дня рождения // Ботанический журнал. 1956. Т. 41. № 7. С. 1072–1079.

Липшиц С.Ю. Московские ботаники Дмитрий Петрович Сырейщиков (1868–1932) и Алексей Николаевич Петунников (1842–1919) // Бюллетень МОИП. Отдел биологический. 1968. Т. 73. Вып. 4. С. 5–23.

Любищев А.А. О монополии Т.Д. Лысенко в биологии. Ульяновск, УГПУ, 2004. 422 с.

Резник С.Е. Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. 156 с.

Смирнов П.А. Гербарий Московского университета // Ученые записки МГУ. Юбилейная сер. Вып. 54. 1940. С. 328–331.

Сытин А.К., Ребристая О.В., Ходачек Е.А. Борис Александрович Юрцев (К 70-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 2002. Т. 87. № 7. С. 126–144.

Сытин А.К. Памяти Бориса Александровича Юрцева (1932–2004) // Ботанический журнал. 2005. Т. 90. № 8. С. 1274–1280.

Тихомиров В.Н. Владимир Николаевич Вехов (1920–1990) // Вехов В.Н. Зостера морская (Zostera marina L.) Белого моря. М., 1992. С. 5–14.

Файнштейн М.Ш. Судьба «Словаря русских ботаников» // Природа. 1992. № 8. С. 126–128.

Федотова А.А. История неоконченного словаря С.Ю. Липшица «Русские ботаники» // Ботанический журнал. 2012. Т. 97. № 3. С. 381–398.

Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 720 с.

The memoirs about Nikolai Ivanovich Vavilov and Herbarium of Moscow State University

Vladimir R. Filin, Alexandra D. Kozhevnikova

Faculty of Biology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia; aromabotanik@gmail.com

S.Yu. Lipshits' memoirs about N.I. Vavilov, written in the late 1960s and based on their in-person meetings, are published for the first time. The author recounts Vavilov's visit to Lipshits' expedition to the western part of the Karatau Ridge to study rubber plants (tau-saghyz). The circumstances of

Lipshits acquaintance with Vavilov, their in-person meetings, and Vavilov's visits to the Moscow State University Herbarium are described. «An Extract from the Historical Materials of the Herbarium...» written by S.Yu. Lipshits in a joking manner in 1935, is published here for the first time.

Keywords: N.I. Vavilov, S.Yu. Lipshits, D.P. Sireyschikov, M.G. Popov, T.D. Lisenko, *Scorzonera tau-saghys*, Karatau ridge.

References

Balandin S.A., Ulanova N.G., Onipchenko V.G. (2019) K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Vadima Nikolaevicha Pavlova [Towards the 90th anniversary of the birth of Vadim Nikolaevich Pavlov], *Biull. Moskovskogo obshchestva ispytateley prirodi*, otd. biol. Vol. 124, iss. 6. P. 78–80. (in Russian)

Gubanov I.A. (2004) Dmitriĭ Petrovich Syreĭshchikov [Dmitry Petrovich Syreyshchikov]. In: *Kafedra geobotaniki Moskovskogo universiteta: 75 let so dnia osnovaniia* [Department of Geobotany at Moscow University: 75 years since the day of its foundation]. Eds. V.N. Pavlov, I.A. Gubanov, S.A. Balandin. Moscow. P. 484. (in Russian)

Gubanov I.A. (2004) Mikhail Ivanovich Nazarov 1882 — 1942 [Mikhail Ivanovich Nazarov, 1882–1942]. In: *Kafedra geobotaniki Moskovskogo universiteta: 75 let so dnia osnovaniia* [Department of Geobotany at Moscow University: 75 years since the day of its foundation], Eds. V.N. Pavlov, I.A. Gubanov, S.A. Balandin. Moscow. P. 177–180. (in Russian)

Faĭnshteĭn M.SH. (1992) Sud′ba «Slovaria russkikh botanikov» [The fate of the "Dictionary of Russian Botanists"], *Priroda*. No. 8. P. 126–128. (in Russian)

Fedotova A.A. (2012) Istoriia neokonchennogo slovaria S.IU.Lipshitsa «Russkie botaniki» [The history of S.Yu. Lipshits' unfinished dictionary of "Russian botanists"], *Bot. zhur.* Vol. 97, No. 3. P. 381–398. (in Russian)

Kurchenko E.I., Iurtsev B.A. (2004) Pavel Aleksandrovich Smirnov 1896–1980 [Pavel Aleksandrovich Smirnov, 1896–1980]. In: *Kafedra geobotaniki Moskovskogo universiteta: 75 let so dnia osnovaniia* [Department of Geobotany at Moscow University: 75 years since the day of its foundation], Eds. V.N. Pavlov, I.A. Gubanov, S.A. Balandin. Moscow. P. 123–131. (in Russian)

Lebedev D.V., Kirpichnikov M.E. (1965) Sergeĭ IUl′evich Lipshits. (K 60-letiiu so dnia rozhdeniia) [Sergey Yulievich Lipshits. (Towards the 60th anniversary of his birth)], *Bot. zhur.* Vol. 50, No. 10. P. 14–80. (in Russian)

Lipshits S.Iu. (1934) Novyi kauchukonosnyi oduvanchik *Taraxacum kok-saghys* [A new rubber dandelion, *Taraxacum kok-saghys*]. M.-L.: Goskhimtekhizdat. P. 1–123. (in Russian)

Lipshits S.Iu. (1956) Svetloĭ pamiati Mikhaila Grigor′evicha Popova (1804–1955) [In cherished memory of Mikhail Grigorievich Popov (1804–1955)], *Bot. zhur.* Vol. 41, No. 5. P. 736–768. (in Russian)

Lipshits S.Iu., Iunatov A.A. (1956) Pavel Aleksandrovich Smirnov. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia [Pavel Aleksandrovich Smirnov. Towards the 60th anniversary of his birth], *Bot. zhur.* Vol. 41, No. 7, P. 1072–1079. (in Russian)

Lipshits S.Iu. (1968) Moskovskie botaniki Dmitriĭ Petrovich Syreĭshchikov (1868–1932) i Alekseĭ Nikolaevich Petunnikov (1842–1919) [Moscow botanists Dmitry Petrovich Syreyshchikov (1868–1932) and Alexey Nikolaevich Petunnikov (1842–1919)], *Biull. Moskovskogo obschestva ispitateley prirody*. otd. biol., 1968. Vol. 73, Iss. 4. P. 5–23. (in Russian)

Liubishchev A.A. (2004) O monopolii T.D.Lysenko v biologii [On T.D. Lysenko's monopoly in biology]. Ul′ianovsk, UGPU. 422 p. (in Russian)

Reznik S.E. (2017) Ėta korotkaia zhizn′. Nikolaĭ Vavilov i ego vremia [This short life. Nikolay Vavilov and his time.]. Moscow: Zakharov. 156 p. (in Russian)

Shnol S.E. (2010) *Geroi, zlodei, konformisty otechestvennoĭ nauk [Heroes, villains, conformists of Russian science].*Moscow: Knizhnyĭ dom "Librokom". 720 p. (in Russian)

Smirnov P.A. (1940) Gerbariĭ Moskovskogo universiteta [Moscow University Herbarium]. *Uch. zap. MGU*, Yubil. ser. Iss. 54, biol., P. 328–331. (in Russian)

Sytin A.K. (2005) Pamiati Borisa Aleksandrovicha IUrt͡seva (1932 - 2004) [In memoriam Boris Aleksandrovich Yurtsev (1932–2004)], *Bot. zhur.*, Vol. 90, No.8. P.1274–1280. (in Russian)

Sytin A.K., Rebristaia O.V., KHodachek E.A. (2002) Boris Aleksandrovich Iurt͡sev (K 70-letiiu so dnia rozhdeniia) [Boris Aleksandrovich Yurtsev (Towards the 70th anniversary of his birth)], *Bot. zhur.*, Vol. 87, No.7. P.126–144. (in Russian)

Vavilov N.I. (1987) *Iz ėpistoliarnogo naslediia. 1929–1940–e gg. [From epistolary heritage]. Nauchnoe nasledstvo [ScientificHeritage series]*. Vol. 10. M.: Nauka. 493 p. (in Russian)